

*Чжоу Цзяньин***Стратегическое партнёрство между Китаем и Россией
в начале XXI в.**

Ключевые слова: Китай, Россия, стратегическое партнёрство, начало XXI в., специфика, международно-правовая база, Шанхайская организация сотрудничества, многополярность, экономические отношения, военно-техническое сотрудничество.

Key words: China, Russia, strategy companion relationship, foundation of international law, organization of cooperation Shanghai, multipolarity, Economic relationship, military technology cooperate.

Данная статья охватывает период взаимоотношений между Китаем и Россией с 2001 по 2006 г., который, на наш взгляд, является важным историческим этапом в налаживании и развитии стратегического партнёрства между двумя странами.

Тема стратегического партнёрства между Китаем и Россией весьма актуальна в силу целого ряда причин. Во-первых, в силу того, что эта тема касается долгосрочного взаимодействия в различных областях двух великих региональных держав в регионе АТР – Китая и России. Обе страны принадлежат к числу влиятельнейших игроков на поле международных отношений.

Вторая причина, которая придает дополнительное значение поставленной теме, состоит в том, что в данном случае история международных отношений имеет дело со специфическим явлением в системе международных отношений в лице стратегического партнёрства, которое появилось сравнительно недавно.

Третья причина, которая придает указанной теме актуальность, состоит в том, что как Китай, так и Россия, являются сторонниками концепции «многополярности» в современной системе международных отношений, в противоположность термину «мировое господство», которым обозначают суть современного состояния всей системы международных отношений Соединенные Штаты Америки.

Четвертая причина, которая обуславливает актуальность поставленной темы, заключается в том, что термином «стратегическое партнёрство» китайское руководство обозначает не только отношения между Китаем и Россией, но и долговременные отношения между КНР и США, а также между КНР и Японией, которая, безусловно, в экономическом плане является основным стратегическим партнером Китая. В силу этого выявить среди этих различных стратегических партнерств специфику стратегического партнёрства между Китаем и Россией представляется весьма актуальным.

Поворотным моментом в развитии стратегического партнёрства между двумя дальневосточными странами стало подписание в Москве 16 июля 2001 г. «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», под которым поставили свои подписи за Китайскую Народную Республику Председатель КНР Цзян Цзэминь, а за Российскую Федерацию Президент Российской Федерации В.В. Путин. Договор вступил в силу 18 февраля 2002 г. Значение «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» заключается в том, что, во-первых, этот договор явился вехой в решении вопроса о пограничном размежевании между двумя странами, во-вторых, он в значительной степени продвинул вперед юридическую основу в отношениях между КНР и РФ.

Очень важное положение содержалось в заключительной 25-й статье договора относительно сроков его действия, имеющих большое значение для придания стабильности отношениям между двумя странами: «Настоящий Договор действует в течение двадцати лет. Срок действия настоящего Договора автоматически продляется на последующие пятилетние периоды, если ни одна из Договаривающихся Сторон не менее чем за один год до истечения соответствующего периода действия договора не уведомит в письменной форме другую Договаривающуюся Сторону о своём намерении прекратить его действие» [1, с. 39].

Нужно заметить, что китайская и российская научная общественность по-разному отреагировала на подписание упомянутого договора, составившего важную веху в развитии стратегического партнёрства между КНР и РФ. Насколько нам удалось проследить, подавляющее большинство специалистов в области изучения китайско-российских отношений в Китае и России в целом положительно отнеслись к самому факту подписания договора и его содержанию. Лишь один Ю.М. Галенович весьма скептически оценил данный договор. Известный китаевед увидел в нем значительный элемент неравноправия не в пользу России, а в перспективе, по истечении двадцатилетнего срока действия договора, возобновление территориальных претензий с китайской стороны в отношении России. Эта позиция Ю.М. Галеновича выразилась в следующих тезисах: «Китайская сторона по-прежнему считает, что договорно-правовую основу нашей границы составляют «неравноправные» русско-китайские договоры. Следовательно, ещё только предстоит про-

вести серьёзные и трудные переговоры о замене ныне существующих договоров новым приемлемым для обеих сторон договором о границе... Вопрос о границе и территориях в наших отношениях не решён. Его можно будет считать решённым только тогда, когда с решением согласятся обе стороны» [2, с. 344]

Ещё один тезис, который выдвигает учёный в отношении Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, сводится к следующему: «В договоре отмечается, что у сторон, его подписавших, отсутствуют взаимные территориальные претензии. Для того, чтобы лучше понять смысл этой формулировки, необходимо принимать во внимание, что китайская сторона никогда не считала, что у неё были или есть территориальные претензии к нам. Она всегда утверждала и утверждает, что в своё время у неё были отторгнуты территории, и что речь идёт о территориальном долге других стран, прежде всего нашей страны, Китаю. Причём, китайская сторона считает, что такого рода утверждения – это не территориальные претензии со стороны Китая, а лишь справедливое требование восстановления законных прав, законной территориальной целостности Китая, справедливое и рациональное решение оставшихся от истории вопросов» [2, с. 346].

Наконец, последний тезис, который необходимо привести, подводит своего рода итог в оценке Ю.М. Галеновичем рассматриваемого договора: «Фактически нынешний договор – это перечисление условий, при которых китайская сторона временно соглашается сохранять статус-кво и предупреждает нас, давая на раздумье всего двадцать лет» [2, с. 351].

Ю.М. Галенович не замечает, что этот его итоговый тезис о временном сохранении статус-кво противоречит приведённой выше 25 статье Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией, которая направлена не только на сохранение, но и на продление на неопределённый срок условий анализируемого договора.

Для того чтобы показать разброс в оценках анализируемого договора 2001 г., уместно в данном случае привести точку зрения другого известного специалиста по китайско-российским отношениям доктора исторических наук, профессора, директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН В.Л. Ларина, который в своей последней монографии, посвященной китайско-российским отношениям, даёт оценку Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.: «Базовым и принципиальным положением договора является обязательство сторон на основе соблюдения принципов и норм международного права и пяти принципов мирного сосуществования развивать долгосрочные отношения добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверитель-

ного партнёрства и стратегического взаимодействия» [3, с. 75].

Резюмируя широкий спектр оценок двустороннего китайско-российского договора 2001 г., можно сделать следующий общий вывод: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. явился заметной вехой на пути создания международно-правовой базы стратегического партнёрства КНР и РФ.

15 июня 2001 г. в Шанхае Китай, Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан опубликовали заявление, в котором было провозглашено рождение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В лице ШОС на свет появилась «региональная организация, нацеленная не только на решение проблем безопасности, но и на многостороннее взаимодействие» [4, с. 10]. Определённым рубежом в развитии ШОС были саммит 17 июня 2005 г. в Астане и юбилейный саммит 15 июня 2006 г. в Шанхае. Как отмечают исследователи, «период между саммитом в Астане (2005 г.) и Шанхае (2006 г.) можно назвать этапом нового качественного развития» [5, с. 14]. Итоги очередного саммита ШОС 17 июня 2005 г. в Астане и принятие там блока важных документов актуализируют ряд проблем, связанных с китайско-российским взаимодействием в регионе Центральной Азии. К последним следует, видимо, отнести взаимную заинтересованность Китая и России в следующем: а) расширение зоны ответственности ШОС на индо-пакистанском, иранском, монгольском и афганском направлениях как через активизацию деятельности стран-наблюдателей, так и специальных рабочих групп и проектов ШОС; б) усиление экономической составляющей в деятельности организации; в) углубление взаимодействия ШОС с «параллельными» региональными структурами; г) решение крупных международных задач (диалог ШОС и НАТО, ШОС и ВТО) и тактических целей по организации борьбы с наркотрафиками, терроризмом и экстремизмом.

Потенциал ШОС, его влияние на систему международных отношений чрезвычайно велики. В настоящее время ШОС включает в себя две ядерные державы – постоянные члены Совета Безопасности ООН, а также ведущие государства Центральной Азии. Как подчёркивают эксперты, «в этом был и остаётся её огромный политический сдерживающий потенциал» [5, с. 15].

Отвергая западные оценки ШОС, бывший военный, военно-морской и военно-воздушный атташе при посольстве КНР в России Ван Хайюнь пишет: «Необходимо подчеркнуть, что укрепление сотрудничества в области безопасности вовсе не значит сделать ШОС “военной группировкой”. Такая точка зрения может привести к “антагонизму двух полюсов”, который нанесет вред становлению региональной безопасности. Нелепыми и тенденциозными в этом контексте оказы-

ваются заявления некоторых западных СМИ, которые называют ШОС «восточным НАТО» [6, с. 15]. Тем не менее нужно признать, что участие Китая и России в ШОС является одним из важных аспектов военнотехнического сотрудничества между двумя странами, хотя данный аспект носит довольно ограниченный характер и направлен в первую очередь на борьбу с международным терроризмом.

Нужно согласиться со следующей пространной оценкой, данной ШОС российским экспертом: «Вместе с тем, создание Шанхайской организации сотрудничества – событие неординарного порядка не только в региональном, но и в глобальном измерениях. Фактически, учитывая расширение состава стран-наблюдателей ШОС, куда входят Индия, Пакистан, Иран и Монголия, речь идёт о трансконтинентальном объединении, органически связующем евроатлантический и восточноазиатский фланг международной жизни. Несомненно, что ШОС в настоящее время становится крупным региональнополитическим объединением в Центральной Азии, оказывая через свой институт наблюдателей и по другим каналам влияние на определённые регионы Средней (Афганистан) и Южной (Индия и Пакистан) Азии. Для Китая и России это не просто региональная организация для борьбы против «трёх зол» (национализма, регионального экстремизма и сепаратизма), но и важный геополитический инструмент отстаивания своих стратегических интересов в мире. В широком смысле ШОС – это организация, предназначенная для многополярного мира и возникшая как результат формирования многополярной системы» [5, с. 15].

В сфере внешней политики отношения между КНР и РФ характеризовались ярко выраженной тенденцией к согласованию и координации своих действий на международной арене, хотя в этой сфере не обходилось без сложностей.

Одним из показателей эффективности стратегического партнёрства Китая и России является интенсивность контактов между руководителями двух стран различного уровня. Что касается контактов между двумя стратегическими партнёрами – КНР и РФ, то его нужно признать достаточно высоким и интенсивным. Необходимо согласиться с оценкой данной стороны стратегического партнёрства Китая и России, данной в своё время послом КНР в РФ Лю Гучаном. Лю Гучан, в частности, писал: «Высокого уровня достигло политическое взаимное доверие. Руководители наших стран поддерживают между собой тесные контакты и связи, постоянно обмениваются друг с другом мнениями и согласовывают позиции по вопросам двусторонних отношений и важнейшим международным проблемам, представляющим взаимный интерес, содействуют в установлении хороших деловых отношений, налаживают личную дружбу, добиваясь высокой степени взаимного доверия» [7, с. 17].

В том, что касается ядерной проблемы КНДР и конференции шести государств, позиции двух стран не только имели большое сходство. Они также взаимодействуют по этому вопросу, содействуя мирному решению вопросов, связанных с судьбой атомного проекта КНДР. Кроме того, КНР и РФ, выступая против милитаризации космоса и гонки вооружений в космосе, занимали в этих вопросах общие позиции. КНР и РФ выступили с новым проектом договора о космосе. Обобщая, можно сказать, что КНР и РФ, будучи постоянными членами Совета Безопасности ООН, очень хорошо согласовывают свои действия и сотрудничают в международных вопросах.

В процессе внешнеполитических контактов на международной арене между КНР и РФ выработалась «установка на координацию усилий в формировании многополярного мироустройства». В докладе Председателя КНР Цзян Цзэмина на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) отмечается: «Тенденции многополярности в политике, экономике и других сферах получили новое развитие в глобальном и региональном масштабах» [8, с. 160].

С другой стороны, Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин в послании Федеральному собранию (1997 г.) подчеркнул, что Российская внешняя политика нацелена на построение такой системы международных отношений, которая исходит из того, что наш мир – многополюсный, в нём не должно быть доминирования какого-то одного центра силы.

Давая общую оценку концепции многополярного мира, мы должны согласиться с формулировкой Д.А. Жирнова: «Концепция многополярного мира, сформулированная в подходах Москвы и Пекина, представляет собой идеальный тип международной модели в том смысле, что она служит не столько отражением уже сформировавшихся реалий, сколько стратегией на будущее. Её базовыми характеристиками являются динамизм международного развития, полицентричность глобальной системы и равноправие государств как основных её элементов» [9, с. 124–125].

При этом утверждают, что «обеим странам взаимно не хватает глубокого понимания политических и экономических проблем друг друга, истории, культуры и традиций друг друга, а это ограничивает углубление обменов между сторонами, особенно в условиях, когда в сердцах и душах масс населения обеих сторон продолжают сохраняться некоторое ошибочное понимание, предвзятость, безучастность, игнорирование и даже враждебные чувства, некоторые внутренние факторы в обеих странах зачастую могут приводить к чрезмерной политизации российско-китайского экономического сотрудничества, а это, в свою очередь, может приводить к тому, что чисто экономические вопросы осложняют двусторонние политические отношения и ухудшают их» [9, с. 299].

В последние годы заметно нарастание противоречий в сфере экономических связей между КНР и РФ. Китайское руководство не скрывало своего негативного отношения к изменению маршрута нефтепровода из Иркутской области на побережье Японского моря вместо первоначального маршрута, который должен был ограничиваться территорией Китая.

Одна из негативных тенденций в области экономических связей между Китаем и Россией была отмечена приморским экономистом К.В. Татценко, который пишет: «С возобновлением рыночных взаимоотношений и открытием границы с КНР в 1990-х гг. практически все сколько-нибудь значимые предприятия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая стали конкурентами друг друга» [10, с. 45].

Безусловно, негативной тенденцией в развитии экономических связей между Китаем и Россией является отсутствие сколько-нибудь заметных интеграционных процессов в экономике двух стран, слабое инвестиционное сотрудничество.

Перейдём к вопросу военно-технического сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Не будет преувеличением сказать, что военно-техническое сотрудничество между нашими странами имеет важное значение для Китая. Поставка российской военной техники в КНР, продажа компонентов техники и лицензий на её производство и другие формы военно-технического сотрудничества между Китаем и Россией имеют устойчивый характер на протяжении более десятилетия. В результате закупок российских вооружений КНР добилась впечатляющего технологического прогресса, перейдя от эксплуатации систем вооружений второго послевоенного поколения к освоению и

производству вооружений четвертого и «четвертого с плюсом» поколений. Этот рывок является главным результатом военно-технического сотрудничества с Россией. Основной же задачей военно-технической политики КНР в конце XX в. – начале XXI в. было не достижение военного превосходства над каким-либо государством или группой государств, а ликвидация технологического отставания вооружённых сил страны, и эта задача была решена не без помощи России.

Обычно принято считать, что военно-техническое сотрудничество с КНР отвечает коммерческим интересам России, но в то же время имеет высокие научно-технические риски. По мнению экспертов, эти риски представляются сильно преувеличенными. Кроме того, интересы сохранения потенциала оборонной промышленности представляются более важными для поддержания интегральной безопасности России, нежели попытки сдержать китайский военный рост для сохранения актуального баланса сил, в котором Китай уже обладает абсолютным превосходством над Россией в обычных силах и средствах. Нужно также согласиться с тем, что попытки эти не имеют смысла ещё и потому, что военный рост КНР будет продолжаться вне зависимости от позиции России, вопрос состоит лишь в том, произойдёт ли это с участием России или без неё.

Действительно, в последнее время отношения между КНР и РФ переживают определённые трудности, подвергаются серьёзным испытаниям. Однако нужно заметить, что долговременные общие интересы КНР и РФ перевешивают противоречия, которые между ними имеются. Поэтому у стратегического партнёрства, которое сложилось между двумя странами, существуют вполне благоприятные перспективы.

Библиографический список

1. Сборник официальных документов, регламентирующих двусторонние международные отношения России и Китая на современном этапе / сост. Н.Н. Приходько. – Благовещенск, 2005.
2. Галенович, Ю.М. Россия – Китай. Шесть договоров / Ю.М. Галенович. – М., 2003.
3. Ларин, В.Л. В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX–XXI веков / В.Л. Ларин. – Владивосток, 2006.
4. Син Гуанчэн. Новое развитие Шанхайской организации сотрудничества / Син Гуанчэн // Цю ши. – 2003. – №14.
5. Ливишин, С. 2006 год – Год России в Китае / С. Ливишин // Проблемы Дальнего Востока. – 2006. – №1.
6. Ван Хайюнь. О некоторых проблемах становления Шанхайской организации сотрудничества / Ван Хайюнь // Международный форум. – 2006. – №4.
7. Лю Гучан. Совместными усилиями воздвигнем дворец китайско-российского добрососедства, дружбы и сотрудничества / Лю Гучан // КНР 55 лет. – М., 2004.
8. Цуй Сяньтао. Партнёрские отношения стратегического сотрудничества, обращённые в двадцать первый век / Цуй Сяньтао. – Пекин, 2004.
9. Жирнов, А.Д. Россия и Китай в современных международных отношениях / А.Д. Жирнов. – М., 2002.
10. Татценко, К.В. Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая / К.В. Татценко. – Владивосток, 2006.